

ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ АЛФАВИТ И СИРИЙСКОЕ ПИСЬМО

Н. Я. МАРР

*Лекции Н. Я. Марра, по свидетельству его учеников и слушателей, отличались обстоятельностью разбора источников и полным отсутствием традиционных рамок сложившихся точек зрения по обсуждаемому вопросу. Говоря словами И. А. Орбели, слушатели чувствовали себя в мозговой лаборатории великого ученого. Как вводил в курс предмета присутствующих и на каком историко-культурном фоне он рассматривал вопросы арменистики и кавказоведения — хорошо иллюстрируется на примере прочитанной им лекции по армянскому алфавиту. Курс этот годами пополнялся новыми соображениями и новой литературой. Относительно предлагаемой части лекции можно уверенно сказать, что мы располагаем собственноручной записью ее, сделанной не раньше 1929 г., ибо в ней делается ссылка на статью П. Петерса на тему армянского алфавита, опубликованную в *Revue des études de arméniennes*, 1929, fasc. 1.*

Публикация подготовлена по автографу Н. Я., хранящемуся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (фонд Н. Я. Марра, А-1795). Имеющиеся в тексте сокращения отмечены многоточием в квадратных скобках. В частности, отсутствие нужного шрифта вынудило отказаться от воспроизведения сирийских имен и терминов. Сноски приведены по оригиналу без изменений.

Редакция ИФЖ

Историки искусства в последнее время настойчиво указывают на выдающуюся роль восточных христиан, в том числе египтян и сирийцев, в распространении христианства в Галлии и Британии. Из Британии это восточное христианство в IV веке или еще раньше проникло в Ирландию. Обычно повествуется, что когда Британия, завоеванная англосаксами "впала опять в язычество", то Ирландия в своей изолированности осталась верна древнему христианству. Слова "впала опять в язычество" напоминают то, как сами сваны наличие пережиточного язычества в наши дни разъясняют как нечто наносное, а не как глубоко сидевшие в низовых массах верования и соответственный культовый быт.

Когда впоследствии миссионеры Григория Великого проникли в Галлию и Британию, они столкнулись с переживаниями древнего восточного христианства: у ирландцев оказалось в сохранности то, что в Западной Европе было уже утрачено, именно знание греческого языка. И

это знание истории искусства, как, например, Стржиговский¹, склонны объяснять не только переживанием древнего христианства, но и тем, что восточные монахи, египетские, сирийские и малоазийские, продолжали притекать в Ирландию и после IV века. "И в период изолированности Ирландия морем находилась в непосредственной связи с монастырями Востока"².

С христианского Востока на европейский запад вывозились "плодотворные источники художественного вдохновения — диптихи, переплеты и орнаментированные рукописи", и добрая их часть, по словам Dalton'a, еще до VI века могла доходить с восточными монахами и купцами, особенно из Сирии, притекавшими в Галлию и прирейнскую Германию: их надмогильные камни найдены на таком севере как Jèoes и в самых ранних летописных упоминаниях западных церквей их имена выступают наиболее наглядно³. Не в одной Равенне сирийский церковный деятель пробивал себе дорогу и занимал выдающееся место: влияние его земляков было так сильно на западе, что около 591 г. по Р. Х. один сириец мог написать его избрание на епископскую кафедру в Париже⁴.

Эта роль восточных христиан, в числе их — сирийцев, в Западной Европе, в частности и в Галлии, нашла любопытную поддержку в памятниках искусства, в древнехристианском скульптурном изображении жертвоприношения Авраама: библейская сцена на трех резных камнях разработана так, что не подлежит спору, что художественная работа во всех трех случаях основана на том изложении рассказа, которое отличает сирийский перевод св. Писания, а за ним армянский и грузинский, от всех прочих; и вот из этих трех резных камней один — памятник армянского искусства (в Ани), другой — памятник грузинского искусства (в Абхазии) и третий памятник галльского христианского искусства (в Arles'e, во Франции)⁵.

Не говоря об этом, допустим, не совсем ясном еще отношении европейской западной окраины, сирийцы бесспорно несли христианское просвещение в столь далекие страны, как Китай, с одной стороны, и Эфиопия, с другой. Сирийцы методически прибывали на эти дальние окраины через ближайших своих соседей с востока, юга и запада; естественно, если они сыграли такую же и еще более плодотворную

¹ Kleinasion, ein Neuland der Kunstgeschichte, стр. 232.

² C. C u r l i t t, Geschichte der Kunst, I, стр. 340.

³ L. B r é h i e r, Les colonies d'orientaux en Occident au commencement du moyen âge, Byzantische Zeitschr. 1903, стр. 11 — 39.

⁴ O. M. D a l t o n, Fitzwilliam Museum, M'Clean. bequest, Catalogue of the mediaeval ivories. etc, стр. 19.

⁵ Н. М а р р, Описание Дворцовой церкви в Ани (Анийские древности, I, Изд. Анийского Музея древностей, Петроград, 1916 г.), стр. 8, 10.

роль своим миссионерским движением и на север, прежде всего в соседней Армении, а затем и далее⁶.

Правильно заметил еще Sachau, что "арамейцы – носители христианства на Востоке. Когда первые христиане, вытесненные из Иерусалима, нашли новую родину в Антиохии на Оронте (Деяния, 9, 19 сл.) и оттуда предприняли свои проповеднические путешествия, то арамейский Восток, по-видимому, не менее был зрел для принятия новой религии, чем греческий и римский мир"⁷.

Выходит так: она, сирийская церковь, подносила евангельское слово всем новопосвящавшимся народам на доступных языках, само по себе, с точки зрения наблюдения зримых фактов, это – общественное явление.

Я, впрочем, обращал внимание на одну, казалось бы, реальную сторону дела. Она в известной мере могла служить объяснением указанного любопытного явления, существенно характеризующего сирийскую пропаганду.

Сирийский язык есть одно из арамейских наречий, составляющих северную группу семитических языков. Христианство рано распространилось по всем странам, населенным арамейцами, и распространение это было в значительной степени связано с еврейскою диаспорою, т.е. с расселением изгнанных из родного пепелища евреев. Арамейцы представляли, как справедливо замечает немецкий ученый Sachau, вполне подготовленную для восприятия христианского учения почву, не менее подготовленную, чем западный греко-римский мир. Арамейцы находились на перепутьи всех религиозных течений, шедших с Запада на Восток, находились в непосредственном общении с центрами зарождения тех или других новых религиозных учений, и это создало в них необычайную отзывчивость на все религиозные веяния, которая продолжала сказываться и позднее, по утверждению в Сирии христианства, в исключительности религиозных интересов и в пышном развитии различных религиозных учений. Еврейская диаспора содействовала, казалось бы, лишь разглашению христианского учения, разнесению сведений о нем из Иерусалима во все арамейские страны. Однако, вопрос не в диаспоре самой по себе и не в религиозности сирийцев-арамейцев, их прозелитизме и мистической предопределенной миссии их быть глашатаями возникшего в Палестине нового учения, а в том, что арамейцы с давних пор являлись торговыми людьми, торговые организации и торговые дела увлекали их во многие страны, как евреев впоследствии, в своей диаспоре шедших по тем же торговым путям, как и армяне значительно позднее, когда их торговые странствия и предприятия проложили дорогу их диаспоре, рассеянию по различным

⁶ Касательно распространения сирийского письма в Персии надо еще помнить хорошо известное свидетельство Эпифания Кипрского, отца церкви IV в. (род. 315 г., умер 403 г.). Lenormant, стр. 210.

⁷ S a c h a u, Syr. Hand., 1899, стр. VII – VIII.

странам армян на малоазийский, затем африканский юг и европейский запад и среднеазиатский восток подобно арамеям и евреям, да на север. В этих условиях жизненного общения арамейцы являлись лишь попутно проводниками новых веяний, невольными виновниками обмена и религиозных новостей наряду с товарообменом.

Конечно, восприятие христианского учения если не через арамейцев-сирийцев, то через арамейский язык, облегчалось тем, что сами евреи в это время говорили на арамейском наречии, что у них и св. Писание было переведено с еврейского языка на арамейское наречие для толкования народу, не понимавшему родного еврейского, уже давно мертвого тогда языка.

Таким образом, существенная половина св. Писания христианской церкви, Ветхий завет, была в распоряжении каждого знатока широко распространенной торговой речи, арамейской, был ли он арамец, который бы заинтересовался новой религиею (христианскою), или перс, или иной сын народа иного племенного происхождения. В то же время исследования все более и более выяснили, что христианство древнейшей начальной поры среди арамейцев опиралось на еврейскую литературу, переведенную на арамейское наречие для потребностей еврейских общин.

Начало сирийской литературы, по составителю лучшей истории ее, ныне доступной и на русском языке в великолепном переводе с дополнениями П. К. Коковцева⁸, "теряется во мраке древнейших веков христианства". С IV столетия начинается уже лучшее ее время, блестящее, которое и тянется до VIII века, а затем постепенно она замирает.

У сирийцев мы должны искать данных по вопросу, так как сирийцы, независимо от нашей эпохи, всегда близки были к армянам.

Тесною связью сирийцев с культурною жизнью армян, да и грузин, объясняется и то, что в сирийской литературе всплывают предания о культурности этих народов, о древности культуры армян и грузин.

В сирийской "Книге народов и стран", сохранившейся в рукописи Британского музея (Add., 25, 875) в числе народов мира не забыты армяне [...] и грузины [...]. Они названы потомками Иафета⁹. Там же далее читаем (стр. 354): "От Сима, Хама и Иафета произошло 72 народа, племени и языка. Есть среди них такие, которые знают письмо, пятнадцать народов; остальные же не отличаются от диких [...], скитаются по лицу земли как неразумные животные". И через строку к этому прибавление: "Те, которые знают книги, суть: сирийцы, евреи, вавилоняне, персы, эламиты, египтяне, кушиты, индийцы, финикияне, ионяне, аморяне, элины, римляне, армяне, таи, грузины" [...]

В другом сирийском отрывке, сохранившемся также в рукописи Британского музея (Add., 14541), под заглавием "Сколько народов,

⁸ В. Райт, Краткий очерк истории сирийской литературы. Перевод с английского К. А. Тураевой. Под редакцией и с дополнениями П. К. Коковцова.

⁹ *Scriptores Syri*, S. III, т. IV, 3., стр. 352₁₆.

знающих письмо и т. д.", читаем¹⁰: "Пятнадцать народов, знающих письмо, из них шесть — потомки Иафета, каковы — ионяне, *иверы*, римляне, *армяне*, мидийцы и эллины".

В согласии с армянским преданием об обращении армян в христианство при Авгаре и др. любопытны следующие данные сирийские: во-первых, сообщение об Агее, одном из семидесяти учеников (ZDMS, т. XXVII, стр. 599), в русском переводе гласящее: "Агай обратил [...] Цофены [...], Арзана [...] и Внешнюю Армению, и Сиринос [...], сын Авгаря, разбил ему голени и он умер"¹¹.

Обстоятельнее о миссии Варфоломея [говорится] в сирийской книге пчел: "Варфоломей был из Киндура, из колена Исмакара: он проповедывал во Внутренней Армении, в Ардашире (Арташате ?), Ктарболе, в Радвине (Ардвине ?) и Пру армене, и прожив апостолом три года, он был распят урасти (Рштунийским = Рхустни)¹² царем Армении и похоронен в церкви, построенной им в Армении". [...]

Как ни поздны литературные источники, откуда сделаны сообщенные извлечения, в них имеются данные, исключающие возможность сочинительства в те, уже новые времена, в какие писаны рукописи или составлены сами произведения с этими сообщениями. Относительно даже специально по Армении данных сведений, так, в частности, о проповеднической деятельности Варфоломея, нельзя сомнения питать в древности источника, откуда они, эти сведения, взяты, ибо, во-первых, такой состав или подбор географических отрезков Армении, областей или княжеских владений, как Внутренняя Армения, Парсармения, Рыштуни с городами Арташат, Двин сразу переносит нас в ту древнюю эпоху армянской исторической жизни, когда в эти северные страны проникала христианская проповедь. С другой стороны, о древности источника говорит экзотичность или искаженность названий, именно *Hu-ras-ti* вместо *э-реш-tun*, *Paruharmen* вместо *Parsarmenia*, *Ardashir* вместо *Artashat*, *Rodvin* вместо *Dvin*, если в начальном прилагке *Ro* нет названия другого города или его обрывка, и совсем плохо с городом *Kotarbol*, [...] если это не описка вместо [...] 'столица', что явилось бы приложением к городу Арташат, тогда, следовательно, столице.

Но появление *тау* рядом с армянами и грузинами (*gurgaya*) между ними говорит о хорошей или близкой осведомленности о Кавказе.

Такой осведомленности содействовала не столько, пожалуй, географическая близость сирийцев с населением северных для них стран Армении, Албании и Грузии, сколько социальное сродство соответственных общественных слоев, более низовое и более хозяйственное, чем в общении с тем же населением у Византийской империи из среды царственного и не царственного воинства.

¹⁰ Цит. соч., с. 357.

¹¹ По рукописи Barberini (№ 62 syr.) Bickell обнаружил [текст]. См. его же *Conspectus regum syrorum literariae*.

¹² Так читают рукописи некоторые (Anecd. Ox. Sem. S, I, г. II, стр. 106).

Даже когда нас осведомляют греческие писатели церкви, трактовка ими сюжета более обща, более вещает с птичьего полета без вхождения в этнографические реалии края. Потому, не касаясь вопроса о существовании или несуществовании алфавита у грузин до принятия ими христианства, нельзя пользоваться в доказательство или хотя подтверждение несуществования в то время грузинского письма на то, что Иоанн Златоуст в своей проповеди 398–399 г. не называет грузин в числе христианизированных варваров.

К тому же, когда речь об этническом отождествлении текста IV века в отношении Кавказа, надо толковать с крайней осторожностью. Так, даже, когда в другой проповеди, он же, Иоанн З[латоуст], пишет¹³: "В начале слово <христианской проповеди> было в Персии, Индии, Мавритании, везде блещет слово ярче солнца", а в толковании слов "В начале было слово" он говорит: "Наоборот, начали философией заниматься сирийцы (asur-Յա) и египтяне, индийцы и персы (spars-Յա), эфиопы и многие другие неразумные (ugunur-Յա), переведши (каждый) на собственный язык учение, в изложении его, Иоанна богослова"¹⁴.

Мы не видим здесь исключенными армян и грузин только потому, что они не названы поименно, когда ясно говорится о неразумных (варварах) христианах.

Но вот в самой проповеди 398–399 гг. по случаю того, что вновь бежавшие готты (guճեղմախ) в церкви апостола Павла прочли на своем языке св. Писание, он пишет: "Где же учение Платона, Пифагора и обитателей Афин? Погасло! Где (учение) рыбаков и шашников? Не только в Иудее, но и на чуждом (uՅոզոս) языке, как ныне мы услышали, блещет оно ярче солнца: скифы, фракийцы, савроматы, мавры, индийцы и прочие, населяющие окраины мира, все философствуют, переведши (каждый) на свой язык те же слова".

Не говоря о прочих, мы до каких бы то ни было заключений о христианстве в Армении и Грузии хотели бы получить разъяснения, кто это были за скифы и савроматы, занимавшиеся христианской философией в конце IV века?

О сирийцах-то здесь приходится говорить как об увязанных с феодалами и торговцами Персии арамейских купцах, странствовавших по городам с соответственными социальными связями рука об руку с персами.

Итак, факт, уже не подлежащий сомнению, что сирийцы были великими проповедниками бога, но бог-то их в эти эпохи был уже не отвлеченно воспринимаемое перерождение неизвестной производственно-социальной группировки, а создание определенного торгового класса, который обслуживал его в международном масштабе через своих идеологов, христианских проповедников, священников и учителей с их цеховой организацией, вылупившихся также в диалектическом процессе

¹³ Цит. соч., XII, кн. 2, стр. 913.

¹⁴ [Цит. соч.], т. VIII, кн. 1, стр. 15.

расхождения и борьбы с языческими жрецами. В этом процессе идеологического перевоплощения словарный материал переживал, привнося с собою переживания старого мировоззрения не только в самой сирийской среде на родине, но во всех районах их торговой и с нею миссионерской деятельности, везде с тем же процессом впитывания в себя переживаний уже местного классового мировоззрения и форм его массовой организации. В зависимости от этого, терминология цеховой организации нового христианского сословия носит и в Армении так же, как в Грузии, соответственно пеструю картину состава, слагаясь в конечном результате из единиц, вскрывающих в себе сами источники происхождения:

[арм.] egeθ	[груз.] quθeys
	quθeys ↔ []
qahanay	mğrdel (mğudel)-m-ğurdel
sark-av[a]g	diakon
kisa-sarkav[a]g ¹⁵	kerđo-diakon
(...)	
margarey	me-marg-e [(= წინასწარმეტყუელი)]
ağoθel	loθ[u]a
eke eθi	eklesia, sakdar[-i]
astwat	ğer-me-θ [→ღმერთი]
	ğuθa ¹⁶

При такой, хотя бы и посредственной руководящей роли сирийцев, не могли не сказаться и судьбы письма на созидание, может быть и обновление, resp. усовершенствование армянского и за ним и грузинского алфавита¹⁷.

На основании Корюна [(гл. VI)], Лазаря Парпского [(стр. 36)] и особенно Вардана [(арм. изд. 1861, стр. 70)] Тагаварян утверждает¹⁸, что да-

¹⁵ [Слово повторено].

¹⁶ [Прибавлено: ar + шиш-а, а + ши-ша-сванск].

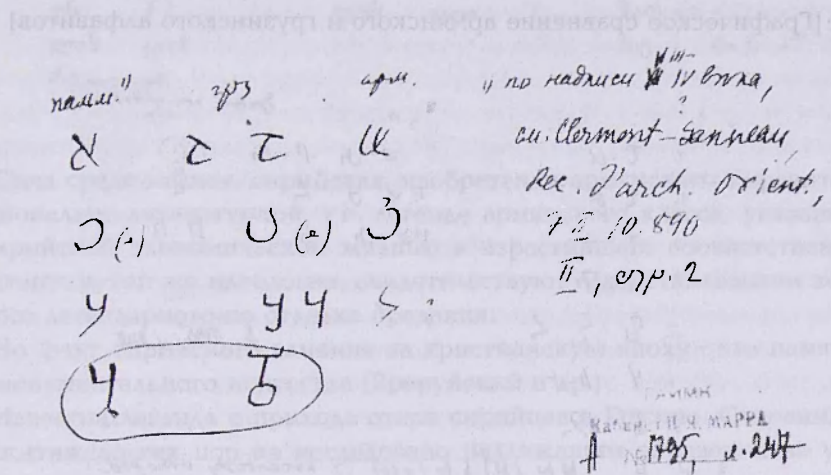
¹⁷ Литература: N. K a r a m i a n z, Einundzwanzig Buchstaben eines verlorenen Alphabetes, 1886, "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, XL, B. II, Heft, S. 315–319. [Речь идет] об албанском алфавите. Это воображение одно: никакого тут нет албанского письма: ქრესტე ღმერთთაჲთა შიქსთაჲთა სარქალაქან, вот и все! [Приводится подлинная запись]. Ср. Каламкяр, Cat. 'Arm. Hand. zu München, p. 21; F. M u l l e r, Nicht-meseropische Schriftzeichen bei den Armeniern, B. Z., X, 1896, стр. 129–132. (Откуда, однако, автор взял, что я при разборе криптографического письма в одной из рукописей Института Вост. языков пользовался разъяснением моего учителя, стр. 132". Diase Art von Schrift ist wie mir Herr D-r Grigor Kalemkjar mittheilt, den armenischen Gelehrten stest bekannt gewesen, daher auch Prof. Marr, der gewiss durch seinem Lehrer <?!> mit ihr bekannt gemacht worden war <ничего подобного!> eintach die Umschreibung derselben mit theilt.

¹⁸ Ն. Տ ա ղ ա լ ա ղ յ ա ն. Մ ա զ ու մ ն Հ ա յ տ ա ո ի Յ, Վ ի ի ն ն ա, 1895, заметка Հ. Գ. Մ է ն 'ա в Հ. Ա. 1896, VII, стр. 213–217.

ниловские письма не изобретены были Даниилом, а нашлись у него. Из этих свидетельств только слова Вардана могут быть истолкованы безусловно так, остальные же двусмысленны. Кроме того, свидетельство Хоренского [(III, 52)] и приписка¹⁹ в переводном с греческого списка императоров, несомненно, Даниила называют изобретателем: դասի значит был изобретен, вопреки странному уверению Тагаваряна (стр. 13).

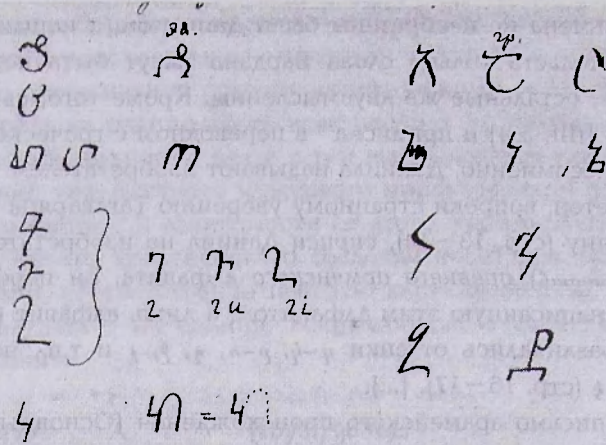
По Тагаваряну (стр. 13–14), сириец Даниил не изобретатель, а хранитель (աւանդապահ) древнего армянского алфавита, он передал армянам не книгу, написанную этим алфавитом, а лишь алфавит (стр. 14), в алфавите не различались оттенки գ-զ, ր-ւ, ղ, ճ, չ и т.п., но имелись гласные, даже է (стр. 16–17). [...].

Армянское письмо арамейского происхождения (Основные положения из книги "Связь грузинского и армянского алфавита и их арамейское происхождение"):

О происхождении армянского алфавита от эфиопского см. Halévy, <читал доклад в общ. В. Ром.> [...]. Мысль мне уже не кажется несуразностью, как сначала; ею можно руководствоваться хотя бы в том смысле, что в эфиопском мы имеем ближайший, наименее тронутый осколком того оригинала, который лег в основу армянского алфавита.

¹⁹ «Ի սորոյ աւուրսն էր սուրբն Սահակ Հայրապետն, յորոյ աւուրսն գտաւ քան եւ ինն գիրն հայերէն լեզուի ի Իանիէլէ, փիլիսոփայէ ասորւոց, զոր ետ բերել Վասն ապուհ թագաւորն, իսկ գեաւթն գրոցն պակասութիւն Մեսրոպ երանելի Տարաւնեցի ի Հացեկաց գեղջէ, յազատ տան է. ամսորեայ պահովքն եւ աղօթիւք» (Տ ա ղ ա լ ա ղ յ ն, Ук. соч., стр. 12–14):

[Графическое сравнение армянского и грузинского алфавитов]

1. Շ. Ա. ჳ. ჳ შ ლ Զ

2. Կ. Բ. 11. 11 11 11 11

3. Զ. Կ. 12. 12 12 12 12

4. Ծ. Դ. 13. 13 13 13 13

5. Է. Զ. Է. 14. 14 14 14 14

6. Կ. Ի. Ի. 15. 15 15 15 15

7. Ե. Զ. 16. 16 16 16 16

8. Կ. Է. 17. 17 17 17 17

9. 18. 18 18 18 18

10. 19. 19 19 19 19

11. 20. 20 20 20 20

12. 21. 21 21 21 21

13. 22. 22 22 22 22

14. 23. 23 23 23 23

15. 24. 24 24 24 24

16. 25. 25 25 25 25

17. 26. 26 26 26 26

18. 27. 27 27 27 27

19. 28. 28 28 28 28

20. 29. 29 29 29 29

21. 30. 30 30 30 30

22. 31. 31 31 31 31

23. 32. 32 32 32 32

24. 33. 33 33 33 33

25. 34. 34 34 34 34

26. 35. 35 35 35 35

27. 36. 36 36 36 36

28. 37. 37 37 37 37

29. 38. 38 38 38 38

30. 39. 39 39 39 39

31. 40. 40 40 40 40

32. 41. 41 41 41 41

33. 42. 42 42 42 42

34. 43. 43 43 43 43

35. 44. 44 44 44 44

36. 45. 45 45 45 45

37. 46. 46 46 46 46

38. 47. 47 47 47 47

39. 48. 48 48 48 48

40. 49. 49 49 49 49

41. 50. 50 50 50 50

42. 51. 51 51 51 51

43. 52. 52 52 52 52

44. 53. 53 53 53 53

45. 54. 54 54 54 54

46. 55. 55 55 55 55

47. 56. 56 56 56 56

48. 57. 57 57 57 57

49. 58. 58 58 58 58

50. 59. 59 59 59 59

51. 60. 60 60 60 60

52. 61. 61 61 61 61

53. 62. 62 62 62 62

54. 63. 63 63 63 63

55. 64. 64 64 64 64

56. 65. 65 65 65 65

57. 66. 66 66 66 66

58. 67. 67 67 67 67

59. 68. 68 68 68 68

60. 69. 69 69 69 69

61. 70. 70 70 70 70

62. 71. 71 71 71 71

63. 72. 72 72 72 72

64. 73. 73 73 73 73

65. 74. 74 74 74 74

66. 75. 75 75 75 75

67. 76. 76 76 76 76

68. 77. 77 77 77 77

69. 78. 78 78 78 78

70. 79. 79 79 79 79

71. 80. 80 80 80 80

72. 81. 81 81 81 81

73. 82. 82 82 82 82

74. 83. 83 83 83 83

75. 84. 84 84 84 84

76. 85. 85 85 85 85

77. 86. 86 86 86 86

78. 87. 87 87 87 87

79. 88. 88 88 88 88

80. 89. 89 89 89 89

81. 90. 90 90 90 90

82. 91. 91 91 91 91

83. 92. 92 92 92 92

84. 93. 93 93 93 93

85. 94. 94 94 94 94

86. 95. 95 95 95 95

87. 96. 96 96 96 96

88. 97. 97 97 97 97

89. 98. 98 98 98 98

90. 99. 99 99 99 99

91. 100. 100 100 100 100

[Связь армянского и грузинского алфавитов высказалась и в названии букв].

ձԵ	այբն	ՖԵԵ	զա	շԵԵ	ժէ (ժալ-ն)
ՂԵԵ	դիմ	ՆԵԵ	բե-ն	ՆԵԵ	սէ (սալ-ն)
ՐԵԵԵ	դա	ԿԵԵ	կե-ն	ՔԵԵ	քէ (քալ-ն)
ՅԵ	ել	ՄԵԵ	մե-ն	ԽԵԵ	խէ (խալ-ն)
Յ	է	ՌԵԵ	թո (Յa-ռ)	ՃԵԵ	ջէ (ջալ-ն)
		ՅԵԵ	ցո		
ՅԵԵ	ւիւն	ՆԵԵ	նու	ՄԵԵ	շա
ՈԵ	ին	ՅԵԵ	պե	ՔԵԵ	չա
ՕԵԵ	յի	ՇԵԵ	տիւն	ՏԵԵ	ժա
ՌԵ	ուո	ՉԵԵ	փւր	ՎԵԵ	ժա
ՊԵ	[]	ՊԵԵ	դաո	ՅԵԵ	—
ՋԵԵ	լիւն			ՅԵԵ	Հո (...) ²⁰
ՐԵԵ	բե				
	ուա				

Сама среда южная, сирийская, изобретения армянского алфавита по национально-литературной, т.е. легенде армянского класса, увязанного с сирийской экономической жизнью и взрастившего соответственных книжников той же идеологии, свидетельствуют о действительном зерне такого легендарного по отделке предания.

Но факт сирийского влияния за христианскую эпоху — это памятники монументального искусства (Ереруйский и др.)

Известна легенда о приходе отцов сирийцев в Грузию. Сохранились их жития; до сих пор не исследовано надлежащим образом и не установлено, каков исторический смысл появления среди грузин сирийских отцов, о которых впрочем уместно подробно говорить в истории грузинской литературы. Не ставился даже вопрос, что понимается под термином "сирийцы" в данном случае, то ли, что названные отцы, действительно, по крови и происхождению сирийцы или они лишь но-

²⁰ [Черновые графические упражнения и незначительные библиографические указания, лл. 264–282]. Л. 279. О сходстве Ա с иранским, собственно пехлеви́йским А см. P h. B e r g e r, Histoire de l'écriture dans l'antiquité, 1891, Paris, стр. 249, откуда Тагаваряна. Л. 283. По общему вопросу о происхождении семитического алфавита надо считаться со статьей Nöldeke, Die semitischen Buchstabennamen (Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft, Strasburg, 1904, стр. 124–136), где автор выясняет "приблизительно первоначальную форму названий букв и изменения, которым эта форма подверглась в звуковом отношении у различных народов. Любопытные замечания, иногда довольно убедительные, дает относительно самого происхождения названий букв Mark Lidzbarski в статье Die Namen der Alphabetenbuchstaben (Ephemerios für semit. Epigraphik, II В. В. Н. (1906), стр. 125–139) <Здесь с недоверием цитируется E. J. P i l c h e r, The Origin of the Alphabet Proceedings of the Soc. of Bibl. Archaeology, I vol., p. 168–173>."

сители сиро-христианской идеи, сотрудники сирийской миссии? Так или иначе, факт в смысле свидетельства о сирийском влиянии на грузинскую церковность достаточно ясен и характерен и по грузинским памятникам. [...] ²¹

(+) История изобретения алфавита до нас дошла в изложении периода эллиофильского — национального. Изложение аллегорическое. Усовершенствование Месропа возводится на степень изобретения, и факты, известные, очевидно, в V[веке] и неподдававшиеся открытию, изложены весьма темно. Фабула истории, очевидно, тенденциозна и рассчитана на то, чтобы внушить божественное происхождение армянского алфавита: аллегория такая, что ни сирийская ученость, ни греческая — как языческая (Платон), так [и] христианская — не могли создать армянского алфавита, и лишь божье вдохновение, осенившее Месропа, в видении начертило ему письмена, и все подробности начертаний запечатлились в его уме... Сказание остроумное должно было считаться с тем, что существовал армянский алфавит сирийского происхождения, существовала литература на армянском языке, а все это вплетено искусно:

1) Существовал алфавит, изобретенный неким Данишлом и известный также Епифану, но он был "Մուրացած գծադրութիւն", т. е. начертание, выпрошенное нищенски, т. е. заимствованное и неудовлетворительное (М. Х., III, 52).

2) В письме имп[ератора] Феодосия и патриарха Аттика к католико-су Саһаку (III, 57), в риторических упражнениях Хоренского, предполагаемых нами в его истории в качестве подлинных документов, сказывается невольно намек на заимств[ованность] месроповских письмен из сирийского, причем и патриарх, и император снисходительно относятся к тому, что Месроп не положил в основание греческого алфавита на том основании, что в изобретении армянского алфавита вмешалось Провидение.

3) В истории изобретения откровенно говорится, что чудо чудом, но Месроп с помощью одного греческого ученого ('Ропаноса) "создал нашу азбуку, изобразил удобные начертания, заменяя или переделывая армянские сирийские буквы (աթութայն) для безошибочного чтения по образцу греческого чтения слогов — սիւղարայից (փոխադրելով գհայերէն աթութայն ըստ անսաթաթեան սիւղարայից Հելենացոց) .

4) В связи с исключительным господством сирийцев, первый перевод должен был быть сделан с сирийского, а с греческого, — впоследствии, быть может лишь некоторые книги: не находится ли с этим в связи деление на старших и младших переводчиков? Не суть ли старшие переводчики, еще писатели сирийского периода, перев[одившие] с си-

²¹ Лл. 290—292. [Этот вопрос основательно исследован акад. К. С. Кекелидзе в работе "К вопросу о прибытии в Грузию сирийских подвижников (культурно-историческая проблема)". — Этюды из истории древнегрузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1956, стр. 19—50 (на груз.). — Ред.] .

рийского и писавшие не усовершенствованным алфавитом (Даниловским?), а младшие — эллинофилы — патриоты армяне, перев[одившие] с греческого? Правда, в источниках реакционного [!] направления все приписано этому движению, но и тут факт: 1) М. Хоренский отзывается скверно об Езнике (и не справедливо). 2) Езник переводит с сирийского²², 3) дружно замалчивающие сирофильских деятелей, писатели национального пробуждения впадают в странное противоречие, то друг с другом, то быть может (?), с самим собою:

Лазарь Парпский признает лишь один перевод св. Писания (св. Саһак). Правда, Лазарь Парпский проговаривается (стр. 115, из XVI пс): *Յազեցան կերակրօք. ասէ, որ միւս ես թարգմանիչ՝ խոզենեալ ասէ...* (см. *Մեկն. Սաղմ., Հ. Չմչ., Վեն., 1823, հտ. Ժ, էջ 70*)²³. Но Лазарю мог быть известен вариант, встречающийся в некоторых списках 70-толкователей (*Բագմավէպ, 1893*, стр. 166, прим. $\dot{\iota}\omega\nu = \dot{\iota}\epsilon\iota\omega\nu$).

Корюн признает два перевода: [*Եւ եզեալ սկիզբն թարգմանելոյ զԳիրս նախ յԱռական Սողոմոնի ... Եւ ի ձեռն տուեալ այնուհետև աստուածազործ մշակութեամբ զաւետարանայն արուեստն ի թարգմանել, ի գրել և յուսուցանել ...: Որոց դարձեալ դէպ լինէր եղբայրս երկուս յաշակերտացն՝ յուղարկել ի կողմանս Ասորոց ի քաղաքն Եդեսացոց, զՅովսէփ, զոր վերոյն յիշեցաք. և երկրորդն եզնիկ անուն յԱյրարատեան գաւառէն, ի Կողբ գեղջէ, զի յասորական բարբառոյն՝ զնոցին հարցն սրբոց զաւանդութիւնս հայերէն գրեալս դարձուցեն*]²⁴.

М. Хоренский признает два перевода, хотя оба в связи с изобретением усовершенствованного алфавита Месропа: [М. Х., III, 53, 54, 60].

Ф. Арцруни [также признает два перевода]: *Գտին (սուլթեցիք) զՍաղմոսն զհին թարգմանեալսն վարդապետացն Հայոցն |զոր հանապազ ի բերան ունին*]²⁵ (ср. также различие псалмов в *ս. Գրոց* и в *Ժամագրոց*).

Усовершенствование.— Личность Месропа (—), официальное признание армянского алфавита со стороны главы армянской церкви (Саһак), официальное признание алфавита со стороны царя (Врамшапух). Транскрипция существовавших переводов св. Писания, равно других переводных и оригинальных произведений усовершенствованным письмом. Комиссия для правильного чтения первых переводов св. Писания, писанных прежним письмом, под руководством патриарха

²² Что скажет сличение текстов, [переведенных, по некоторым сообщениям Езником]. Это главное, но еще [никем не исследованное].

²³ [Марр располагал изданием 1873 г., цитаты проверены по оригиналу].

²⁴ [Арм. оригинал см. *Վորիւն, Վարք Մաշտոցի, ի ձեռն Մ. Աբեղյանի, Երևան, 1941*, стр. 50₄₋₅; 54₁₈₋₁₉; 74₁₅₋₁₉. Русск. перевод: "Начали они перевод Библии с Притчей Соломоновых... Затем принялись они (Саһак, Маштоц и их ученики) боготворным трудом [своим] за евангельскую науку — переводить, писать [и распространять]... Случилось так, что они отправили в Сирию, в город Эдессу двух братьев из числа своих учеников, чтобы они с сирийского языка перевели на армянский писания святых отцов их. [Первого звали] Иосиф, о котором мы упоминаю выше, а имя второго — Езник, из страны Айрарат, из села Колб". [Ср. Корюн, Житие Маштоца, Ер., 1962, стр. 92, 95, 109].

²⁵ [*Թողմայի վարդապետի Արծրունու Պատմութիւն Տանն Արծրունեաց, Թիֆլ., 1917*, стр. 204].

Տահակա (Զօրացեալ [պիւնդ Է... քանզի յոյժ] դիւրին է գիւտ իրացդ, զոր հայցես, — Լ. Парпский [стр.] 36—37 [=14], равно 41): священники (արս բանիբունս և մտացիս ի քահանայիցն Հայոց) Иоанн Екегяцский, Иосиф Паган[акан]ский, Тэр Хордзенский и Мушэ Таронский очевидно в качестве искусных чтецов старых писем, так как с греческим они, как и Месроп, мало были знакомы (որք էին սակաւ մի և նքա, որպէս երանելին Մաշտոց, մերձաւորեալք ի յունարէն հեղինայսն — Լ. Парпский, стр. [15]) и в этом отношении пользовались они советами самого патриарха Տահակա, որ յոյժ առլցեալ անցուցանէր վարժիւք զբազում գիտնովք Յունաց (Լ. Парпский, стр. 42 [16] и [43, 46—47], равно [М. X., 54])

(+) [Месроп] — ученый армянин сирийской школы. Имя его неизвестно; два названия, Месроп и Маштоц, суть два эпитета, означающие на сем[итическом] языке его занятие: великий учитель [...] — мосор — роб/много учености, родина [?], [...] Hoffm., p. 62, p. 539) — մորիդ²⁶, таким же образом (?) Մեսրոփուփափափա Der Gross. König, Hoffm. p. 66, p. 585 [...] в XXIX, 27 в сирийском переводе, издание Sev., употреблено вместо [...] — служба (служитель?, диакон?) — маштоՅ' = маштоՅ (Մաշտոց) и в армянском требнике (книга службы), очевидно, первая из книг на армянском языке, а затем и автор (переводчик) его ср. "Лествица" и Иоанна Климакс (Леств) в ново-сирийском (урмийском) диакон именно и является напояющим напитком, тогда как священник приносит жертву (Socin, Die N.-A. Dialekte, 20) [...]

Результаты усовершенствования алфавита.— Насаждение школ и большее распространение грамоты (բանսի ամենայն անձն յորդորեալ փափագէր յուսումն հայերէն գիտութեան, որպէս ի խաւարէն յասորի տանջանացն գերծեալք ի յոյս խնդային (Լ. Парпский, стр. 42—43, [=16]). Нарождаются читатели. Потребность к чтению при умножении школ не удовлетворяется существовавшими немногими переводами (говоря բայց տարակուսեալք կասէին յանչքութենէ Գրոց սրբոց, քանզի ոչ գոյին դեռ ևս հայերէն լսողութեամբ սուրբ կտակարանք — Լ. Парпский, (стр. 43[16]) замалчивает существование истории Анонима, Фауста и перевод некоторых книг св. Писания на армянском языке и, таким образом, заставляет в этом неверном факте представить доказ[ательство] того, что до новых переводов с греческого не могли быть открыты вовсе школы).

Посылаются Иосиф и Езник в Едессу (Хор. III, 60) для переводов св. сирийских отцов (նոցին սրբոց հարցն), что же касается Библии, то она имела в старом переводе с сирийского, но на сирийском не имелось всех книг св. Писания, а имевшиеся были переводами с греческого; среди армян проявляется стремление к непосредственному переводу с

²⁶ (+) л. 241: По Гарагашяну ([հննական պատմ. հայոց, Կ. IV, Тифл. стр. 22—23; ср.] Тагаварян, стр. 1, прим.) Маштоц значит *высоту*, будто греч. Mastos, церковный сан, а по Пароняну (Тагавар., ib. Месроп это искажение Марсропа — Тэр Серопе. Последнее толкование допускает и автор Պատմութիւն վասն Սահակայ (Սոփ. Հայկ. II), памятник 8—9 века, судя по следующим его словам (стр. 41): Մեծին Մեսրոփայ սրուստեան անուն]:

греческого. Месроп с "честными священниками" для переводов с греческого не имеют должной подготовки (*նչ էրև այնպէս տեղեակ գիտնապէս հրահանգի յուսարէն ուսման*, – Л. Парпский, стр. 43) и не берутся за такое дело.

Исторические соображения Ил. Окрочедлишвили одни направлены к тому, чтобы подорвать доверие к показаниям известных ему армянских историков, другие служат для обоснования мнения автора.

Критика армянских источников у Окрочедлишвили примитивная (стр. 109–110). Во-первых, он сопоставляет армянские источники, собственно Корюна и Хоренского, с грузинскими летописями, и так как в последних не оказывается ничего, похожего на утверждения Корюна и Хоренского, делается заключение об их сомнительности. Во-вторых, Окрочедлишвили выбирает имена лиц, участвующих в этом просветительном деле по армянским преданиям, ученого Джала, епископа Моисея и двух царей, Бакура и Арчила, и так как этих имен не называют грузинские летописи в соответственное время, не называют даже царей и с такими именами и епископа Моисея в V веке, то свидетельства армянских писателей предлагается отвергнуть.

Кстати, такими же приемами, повторяя Окрочедлишвили, без указания на него, пользуется и М. Джанашвили для дискредитирования и сказаний Хоренского (*ქართული მწერლობა*, წიგნ I, 1900, стр. 43 сл.).

К сожалению, дело не так просто. Мерила исторической достоверности вырабатываются постепенно, и если их нельзя искать только в армянских источниках, то нельзя их отождествлять и с *Грузинскими летописями*. Критика их постоянно выясняет, что они составлены сравнительно поздно и в древнейшей части мало надежны. Затем, *Грузинские летописи* вовсе не вмещают в себе всю полноту древнегрузинской жизни. Молчание их о многих фактах говорит об отсутствии к ним интереса у авторов, а не о том, что их, этих фактов, не было в действительности. Особенно мало сообщают *Грузинские летописи* о грузинском просвещении и литературе. В ней иногда отсутствуют всякие сведения о целой эпохе грузинской духовной жизни, как, например, о церковно-просветительной деятельности Кларджии в IX–X веках. Не говорят они ничего и о первых грузинских переводчиках. Если таким образом молчанию *Грузинских летописей* придавать такое решающее значение, то придется отвергать не только показания армянских источников касательно начала христианской грамотности в Грузии, но и вообще наличность самой литературы у грузин в ту древнюю эпоху, чему противоречили бы однако сами литературные памятники. Таким образом, извлекать *argumenta e silentio* из *Грузинских летописей* по нашему вопросу нет никакого основания.

Но допустим, что в отношении царей и епископов *Грузинские летописи* безукоризненны, и в указанное Корюном и Хоренским время не было в Грузии ни царей Арчила и Бакура, ни епископа Моисея, это еще не значит, что свидетельства армянских источников целиком

должны быть отвергнуты. Настоят надобность в их критическом разборе, в вылущении зерна исторической действительности из скорлупы легендарной, быть может и тенденциозной отделки. Для этого и данные имеются, реальные данные, а не голые и голословные соображения, приноровительно к которым и пытается Окрочедлишвили отчасти оправдать и объяснить Хоренского и Корюна.

Но обращаемся к положению самого Окрочедлишвили. Он утверждает, что грузинское письмо возникло из зендского в Грузии конца IV— начала III века до Р. Х. при Парнавазе, что грузинское военное письмо (მხდრული) древнее церковного (სუცური), что церковное выработалось из военного. [...]

Если мы говорим об армяно-сирийском происхождении грузинского церковного алфавита, т. е. об его нарождении в лоне древней сирийской церкви руками ее членов-армян, христиан-миссионеров, отнюдь еще не национализированных, то к этому нас принуждают прежде всего внутренние причины, логика событий и фактов. Эти внутренние события и причины были уже освещены прежде всего историей насаждения христианства в Грузии в связи с политическими и культурными условиями, служившими помехой или, наоборот, помощью делу местной церкви на новом языке.

Той же цели служат указания на литературные факты, в том числе и филологические данные грузинского текста св. Писания, в архаических слоях тяготеющего к армянскому переводу.

В пользу такого же освещения вопроса существуют показания армянских источников, но мы идем навстречу им с доверием постольку, поскольку они не противоречат основным положениям, устанавливаемым теми наиболее важными аргументами, историческими и историко-литературными.

Армянские источники требуют осторожного к ним отношения, так как все они лишь позднейшие переработки древних памятников, но нам не важны подробности, в которые и внесена позднейшая окраска, различная у разных авторов, для нас важны основные черты занимающего нас дела, всплывающие так или иначе во всех источниках, часто вопреки видам авторов. Это именно то, что члены христианской церкви в Армении получают письменность от христиан-сирийцев, сочленов и передают членам той же церкви в Грузии.

Так как позднейшая окраска относится ко времени полной национализации армянской церкви, после разрыва с сирийскими преданиями и сближения с греческою, то, естественно, в этих армянских источниках зависимость от сирийской образованности ослаблена, а влияние армян на северных соседей, в том числе грузин, изложено ярко, как чисто армянское просветительное дело с усвоением греческого отношения к иностранцам как к варварам и с ударением на национальное значение письменности. Сирийская сторона дела имеет значение прежде всего для армян, для армянской литературы, и я ограничусь

приведением того, что эти армянские источники рассказывают об изобретении грузинского письма, пока по двум источникам: Корюну, биографу Месропа, и Моисею Хоренскому.

У Корюна читается (стр. 25—26)²⁷:

Դարձեալ յետ ժամանակի ինչ ընդ մէջ անցելոյ հոգի մտի արկանէր սիրելին Քրիստոսի և վասն բարբարոսական կողմանն: Եւ առնոյր կարգեալ նշանագիրս վրացերէն լեզուին, ըստ շնորհացելոյն նմա ի Տեառնէ: Գրէր, կարգէր և օրինօք յարդարէր. և առնոյր ընդ իւր զոսանս լաւագոյնս յաշակերտաց իւրոց, յարուցնալ գնայր իջանել ի կողմանս Վրաց: Եւ երթեալ յանդիման լինէր թագաւորին, որում անուն էր Բակուր, և եպիսկոպոսի աշխարհին՝ Մովսէս: Եւ առաւելագոյն Հնազանդեալ նմա ըստ օրինացն Աստուծոյ՝ թագաւորին և զօրացն, հանգերձ ամենայն գաւառօքն:

Եւ նորա զիւր արուեստան անաջի արկնալ խրատէր յորդորելով, յորում և յանձն առեալ ամենեցուն զխնդրելին կատարել: Եւ գտեալ զայր մի թարգման վրացերէն լեզուին, որ անուանեալ կոչէր Ջաղայ, այր գրագէտ և ճշմարտահաւատ. հրաման տայր այնուհետև արքայն Վրաց՝ ի կողմանց կողմանց և ի խառնագանջ գաւառաց իշխանութեան իւրոյ ժողովել մանկունս և տալ ի ձեռն վարդապետին: Ջոր առեալ՝ արկանէր ի բովս վարդապետութեանն և հոգեւոր սիրոյն եռանդամըր զաղտ և զժանգ շարաւահոտ գիւացն և զսնտիագործ պաշտմանն ի բաց քերէր, այնչափ անջատեալ ի հայրենեաց իւրեանց և անյիշատակ ցուցանել, մինչև ասել, թէ՛ «Մոռացայ զժողովուրդ իմ և զտուն հօր իմոյ» [Սաղմ. ԽԴ, 11]:

Եւ արդ զնոսա, որ յայնչափ ի մասաւոր և ի բաժանեալ լեզուացն ժողո-

“Опять по прошествии некоторого времени возлюбленный Христа (Маштоц, resp. Месроп) заронил в душу себе заботу и о варварской стране и взял расположенные в порядке буквы грузинского языка по внушению ему от Господа. Писал он, располагал в порядке²⁸ и законами устраивал, взял с собою кое-кого из лучших своих учеников, поднялся, отправился и спустился в края Верские (Берские)²⁹, пошедши предстал перед царем, которого звали Бакуром и епископом страны Моисеем. И более всего покорялись ему по закону божьему царь и войска вместе со всеми областями.

А он (Месроп), представив свое искусство, поучал и побуждал, на что все согласились исполнить его просьбу. И найдя одного мужа, переводчика вирского языка, который назывался по имени Джала (Жагал), грамотного и истинно-верующего мужа, верский царь отдал приказ собрать детей из различных краев и разношерстных областей, чтобы поручить учителю. Приняв их (Месроп) бросал в горнило учения и жаром духовной любви он в такой мере отделял прочь скверну и ржавчину испускающих гнойный запах диаволов и суетворного им служения из их (т.е. отроков) отечества, искореняя даже память,

²⁷ [По изданию 1941 г., стр. 62₉—64₁₂].

²⁸ [Приписка: порядочил?].

²⁹ По складу огласовки у армян вир, Вирия, вместо вер, Верия.

վեցան, միով աստուածաբարբառ պատ-
դամօքն մի ազգ կապեալ փառաբա-
նիչք միով Աստուծոյ յօրրնէր: Յորոց և
զտան արժանիք ելեալ ի կարգ եպիս-
կոպոսութեան միճակ, որոց առաջինն
Սամուէլ անուն, այր սուրբ և բարե-
պաշտօն, եպիսկոպոս նաքնալ տանն
առքունահասն:

Իսկ ըբրև ընդ ամենայն տեղիս
Վրաց կարգեալ զգործ աստուածապաշ-
տութեանն, այնուհետեւ Հրաժարեալ ի
նոցանէ՝ դառնայր յերկիրն Հայոց և
պատահեալ Սահակայ կաթողիկոսին
Հայոց, պատմէր նմա զողջութենէ եղե-
լոցն, միանգամայն և փառաւոր առնե-
լով զԱստուած, դմեծանունն Քրիս-
տոս]:

что они говорили (Пс., 44, 11): "за-
был я народ свой и дом отца мое-
го".

Итак этих собравшихся из
стольких частных и отдельных
языков, <Месроп> созидал сла-
вословящими одного Бога, связав
<их в> один народ одною богоре-
чивою заповедью, и даже мне вы-
пала епархия в ряде их епископов,
в числе которых первый Самуил,
святой и благочестивый муж,
стоял епископом царского дома.

И когда <Месроп> упорядочил
дело благочестия по всем местам
Верии, он затем, простившись с
ними, вернулся в Армению и,
встретив католикоса армян
Сахака, рассказал ему о здравии
(успехе) случившегося, однове-
менно прославляя бога велико-
именного Христа"³⁰.

У Хоренского об изобретении грузинского алфавита говорится зна-
чительно короче, но в нем названы имена учеников Месропа, сопро-
вождавших его в Грузию. Эти имена Хоренским не могли быть сочине-
ны, так как одно из них передается в сирийской форме *Մուչէ* (а не в
греческой *Մովսէս*), а другое *Յէր* представляет перевод популярного у
сирийцев имени Маг господин, имя это в виде *Κύρος* или *Κυριακός*
имеется и в греческом, но с греческого имени армяне переносили
(*Կիրակոս*), а не переводили, само явление — перевод имен — древняя
черта, времени господства сирийских норм. Между тем Хоренский —
ярый армянский националист на почве греческой образованности, лю-
битель греческих норм и форм. Если Хоренский и мог внести что-либо,
так это подробности, *ad maiorem gloriam* греческой учености, конечно,
и национальной армянской. Это мы и замечаем в его кратком, но ха-
рактерном сообщении (III, 54):

[Իսկ Մեսրոպայ երթեալ յաշխարհն
Վրաց առնէ և նոցա նշանագիրս տուե-
ցելովն ի վերուստ շնորհաւն, հանդերձ
Ջաղաշիւ ոմամբ թարգմանաւ հիլլէն և
հայ լեզուի ձեռնտու լինելով արքայի

"А Месроп, отправившись в Ве-
рию, создает и их письменные
знаки благодатью, данной свыше,
вместе с неким Джалою (*Ջաղաշիւ*),
переводчиком греческого и ар-

³⁰ [Имеющиеся в переводе некоторые отклонения от армянского оригинала
вызваны изменениями в составленном М. Абегином критическом тексте. —
Рег.]

նոցա Բակրոյ և եպիսկոպոսին Մովսիսի: Եւ ընտրեալ մանկունս և յերկուս բաժանեալ դասս և վարդապետս թողունոցա յաշկորտաց իւրոց զՏէր Խորձենացի և զՄուշէ Տարօնացի]

мянского языков, при споспешествовании царя их Бакура и епископа Моисея. И он избрал отроков, разделил [их] на две группы (դասս) и оставил им учителей из своих учеников Тэра Хордзенского и Мушэ Таронского".

Но Месроп вторично отправляется в Грузию по армянским источникам. Корюн про это рассказывает следующее:

[Եւ յանձն առնելով զնոսս և զանձն ամենապահ շնորհացն Աստուծոյ, խաղացեալ գայր ի կողմանցն Աղուանից, անցանել յաշխարհն Վրաց:

Եւ հանդէպ հասեալ գայր Գարդամանական ձորոյն: Ընդ առաջ լինէր նմա իշխանն Գարդամանից, որում <անուն> Խուրս կոչէին, և ասպնջական եղեալ նմա աստուածասէր երկիւղածութեամբ, առաջի դնէր զանձն վարդապետին, հանդերձ իշխանութեամբն իւրով: Առաւելագոյն իսկ վայելեալ ի հիւթ և ի պարարտութիւն վարդապետութեանն, յուղարկէ զերանելին ուր և երթալոցն էր: Իսկ նորա անցեալ դիմեալ ի կողմանսն:

Առ որով ժամանակաւ Արձիւլ անուն թագաւորեալ Վրաց, որոյ առաւելապէս պայծառացուցեալ ծաղկոցուցանէր զվարդապետութիւնն. և նորա շրջեալ զամենայն աշակերտօքն, պատուիրեալ իսկ ի ճշմարտութեանն:

Յայնժամ իշխանին Տաշրացուոց, առն պատուականի և աստուածասիրի, որ անուանեալ կոչէր Աշուշայ, ի ձեռն տայր նմա զանձն ամենայն գաւառովն իւրով. և նորա ամենասիրելու վարդապետութիւնն, ոչինչ պահասութեամբ, քան զայլոցն գաւառաց անցուցեալ:

Եւ յանձն արարեալ զնոսս սրբոյ եպիսկոպոսին Սամուէլի, այնմ զոր ի

"Поручив их и себя всеберегущим милостям бога, <Месроп> двинулся в путь из Албанских краев, чтобы пройти в страну Веров, и пришед, достиг Гардманского ущелья. Вышел навстречу к нему князь гардманов, которого звали Хурсом³¹, и был для него гостеприимным (хозяином) с боголюбивым благоговением, предлагал себя вместе с княжеством учителю, и, насладившись еще более соком и туком его учительства, напутствует блаженного мужа, куда он собирался идти. Он же пошел по направлению к (намеченным) краям, в какое время над Верами царствовал <царь> по имени Ардзюл (Арчил)³², который еще более придал блеска и дал расцвести его учительству. И тот (Мапшоц), обходя со всеми учениками, заповедовал пребыть в истине. Тогда князь таширов (tash-ir) Ашуша, муж честный и боголюбивый, предал ему себя со всею областью своею, и его всерастилающеееся учительство совершилось здесь не с меньшим успехом, чем в других областях; и поручив их святому епископу Самуилу, тому, которого

³¹ [Приписка: Qort→gurt (л. 312); Qur-s > qur (неба дитя = Солнце), qor-tin (л. 313)].

³² [Приписка: Ar- dyul←Ar'tul//Ar-9ir (→Ar-9il) ←Ar-skir Ar-dı "дитя неба"].

վերոյ նշանակեցաք, ինքն դառնայր ի կողմանս Հայոց Մեծաց. և եկեալ ի սովորական տեղիսն, զընդելական ողջոյն սրբոյն Սահակայ և ամենայն պատահելոցն տուեալ, պատմէր նոցա վասն այնր ևս նորագործ իրացն. որք իբրեւ լուսն. առաւել գոհանային զպարգեւացն Աստուծոյ] [стр. 72₁₄—74_а].

отметили выше, сам вернулся в края Большой Армении, и пришел в обычные места, отдав дружественный привет св. Сааку и всем встретившим, рассказал им еще об этих новосовершенных подвигах, и когда те услышали о них, еще более благодарили бога за милости".

И об этом втором посещении Месропом Верии говорит Хоренский, но с иными отчасти подробностями (III, 60).

Странствование Месропа объясняется, как, впрочем, и у Корюна, рецидивизмом язычества, что своим появлением он и уничтожает, так, между прочим (в Албанской стране) у Баласов или в Баласских краях:

[Ուր երթեալ զբազումս յուղղութիւն ածէ. և զսակասն անդարձս յիշխանութիւն Հոնաց հալածականս առնէ: Հտւատալով զվարդապետութիւն կողմանցն այնոցեկ բախսնպոսին, որում Մուշեղն կոչէին ինքն դառնայ զԳարգմանայ ձորովն զի և ի նմա լուաւ ինեւ ի նոցին ընկերաց աղանդոյն. զորս գտնալ՝ ածէ և զնոսա ի գիտութիւն ճշմարտութեան, հանդերձ վերստին ուղղութեամբ իշխանին Գարգմանաց, որում անուն էր Խուրս: Հրաւիրի անտի ի բզեչիւէն Գուգարացւոց Աշուշայէ՝ յաղագս նորին գործոյ գալ իւր իշխանութիւնն ի դաւառն Տաշրաց. ուր երթեալ՝ լաւագոյնս վարդապետեաց և հասատագոյնս քան զամենայն աշակերտեալսն. առ որով ժամանակաւ Արձլ ոմն էր կացեալ թաւաւոր Վրաց]: [III, 60]

"Куда отправившись, многих (Месроп) исправляет, а немногих, упорных (անդարձ), изгоняет в княжество hОнов. Доверив учительство этих краев епископу, которого звали Мушэ, сам поворачивает по направлению к Гардманскому (Картвельскому [?]) ущелью, так как слышал, что и в нем водятся товарищи их лжеучения. Отыскав, он их приводит в знание истины вместе с вторичным исправлением князя гардманов (/qarθvel'ov), имя которого было Хурс³³. Оттуда он приглашается бдешком гугаров Ашушою³⁴, чтобы он явился в его княжество в область Ташир ради того же дела; пришел туда, (Месроп) обучил еще лучше и тверже, чем всех учеников, в каковое время царем грузин был некий Ардил (Арчил)".

Я обращаю внимание на эту аттестацию Хоренским таширской области, смежной с позднейшею грузинской Сомехиею, первоначально входившей в ее состав, как места наилучших и наиболее твердых учеников Месропа в Грузии, обращаю внимание в связи с тем, что именно

³³ [Приписка: Qor-s//*Qorθu; л. 317].

³⁴ [Приписка: аг-ши→аши].

этот край намечается как родина грузинской письменности на основании независимых друг от друга данных и соображений.

Историк Вардан (XIII в.), по-видимому, пользовался не дошедшими до нас источниками, и потому нежелательно умолчать об его показании, хотя и позднем (Вен. изд., стр. 51 = [Моск. изд., стр. 72]):

[Այլ սքանչելի շյրն Աստուծոյ
Մերոպ անցեալ ի Վիրս, անէ և նոցա
գիրս, ի ձեռն Ջաղելի ուժեմն, որ աշա-
կերտեցաւ նմա, և գնացեալ յԱղուանս,
ստեղծու և նոցա գիր...]

“А чудный муж божий Месроп, прошед к Верам, составляет (անէ) и им буквы при посредстве некоего Джакели (Ջաղելի – Dağel-1)³⁵, который стал его учеником. И отправившись к албанцам, создает и им буквы”.

Усовершенствование армянского алфавита есть, конечно, весьма важный шаг вперед³⁶. Знакомство с греческим языком и постоянное чтение греческих рукописей могло, понятно, [навести] на мысль сделать столь же удобочитаемым армянское письмо введением [...]. Но не имели ли армяне в этом деле уже готовый пример у сирийцев же, которому и следовали.

Действительно, в Сирии также была попытка [усовершенствования алфавита].

Барребрей (...) ч. IV, г. I, отд. 3, стр. 125, изд. Martin'a) насчитывает сирийский алфавит в 36 букв, как у армян, считая за двое шесть смягчаемых букв (b, g, d, k, φ, θ) и прибавляя еще семь гласных Якова Едесского и греческое П <22 + 6 + 7 + 1 = 36>. Предполагается, что арабы и армяне, раздвоившие несколько букв и увеличившие свои алфавиты, и внушили мысль сирийцам, прежде всего, сирийцам-несторианам подражать им (Martin, стр. 321).

Если не изобретателем, как думали некоторые сирологи (Merx. Gr., I, стр. 26), то первым применителем гласных знаков в сирийском является *Яков Едесский*, писатель конца VII и начала VIII века. По Martin-у (JA, 1869, IX, стр. 463) гласные знаки, примененные им, были изобретены за сто с лишним лет до эпохи Якова. Любопытно впрочем, отметить, что Яков вносил гласные и другие знаки в строки наравне с согласными (Martin, цит. соч., стр. 460). Во всяком случае знаки, развитые Яковым, были точки, а не греческие гласные буквы, которые были применены западными сирийцами недолго спустя после смерти Якова (Martin, цит. соч., стр. 473), так как выработанная им система не устраняла всех затруднений чтения: он установил лишь сравнительно более точное чтение увеличением точек, изобрел знаки ܩܩܩ и ܩܩܩܩ и различил ܩ от греческого π (ib, стр. 475).

³⁵ (dağ-ay<*dak -ar//dak -el).

³⁶ JA, 1869, XIII, стр. 458 – 459; Merx, Historia Artis grammaticae Apud Syros.

В параллель к тому, как "изобретатель армянского алфавита" <собственно ученый знаток традиционного чтения армянских текстов неусовершенствованным текстом> Месроп Маштоц ищет знающих <греческое письмо> людей и, между прочим, обращается к католикосу Саһаку, как знатоку греческой литературы, за средствами для восполнения армянского алфавита, по передаче эллинофильских памятников для изобретения его, любопытно отметить аналогичный эпизод из истории усовершенствования сирийского письма:

"Paul, prêtre d'Antioche, sachant que l'alphabet grec avait d'abord été composé de 17 caractères, et n'ignorant pas non plus qu'on avait, dans la suite, ajouté tous les autres, un ou deux à la fois, jusqu'à ce qu'on eût atteint le chiffre de 24 lettres, pria le religieux Jacques d'Édesse de suppléer à ce qui manquait à l'écriture syrienne. Le très-religieux pontife répondit: "Beaucoup de gens ont formé le même désir avant vous et moi, mais ils ont reculé devant l'exécution de leurs projets pour ne pas exposer à périr les livres écrits dans l'ancien caractère".

Voulant montrer néanmoins à Paul qu'il n'était point difficile de remédier à l'imperfection de l'alphabet syrien, ajoute Bar-Hebraeus, Jacques lui transmet sept voyelles de sa façon avec un signe pour le П grec. Il distingua encore Roucokh (aspiration) par des points placés sous les lettres qui devaient avoir le Kouschou (non aspiration) (Martin Jit., 1809, XIII, стр. 457)³⁷.

Изобретение письма со стороны техники, сравнительного изучения начертания армянского и грузинского алфавита между собой и с соседями мы не излагали, этому вопросу посвятим особо время, не одну лекцию, во всяком случае не один час. И, естественно, мы теперь используем только что появившуюся статью бельгийского ученого Paul Peeters'a об изобретении армянского алфавита. Статья напечатана в недавно полученном выпуске *Revue des études Arméniennes* (т. IX, вып. I, Париж, 1929 г., стр. 203—237) под заглавием *Pour l'histoire des origines de l'alphabet arménien*. Но и сейчас мы не можем обойти двух пунктов [...] Однако, прежде чем назвать их, необходимо констатировать, что и в наши дни мы в отношении к Армении, не только Грузии, лучше обставлены разработкой международных политических сторон в истории, чем вопросов внутреннего идеологического состояния, связанного с внутренними же условиями материального, производственного и социального быта. Потому естественно, что и Н. Г. Адонц, ученик наш, в капитальном своем труде "Армения в эпоху Юстиниана (политическое состояние на основе нахарарского строя)", исходил из того, что "лучшим свидетелем исторической жизни народов и ее толкователем являются язык и письменность. Историческая наука вступает на твердую почву с того момента, когда она начинает располагать документами, го-

³⁷ (л. 328: Вардан говорит об Ездre, как об исправителе древнего армянского письма: Նորս մեր Եզրաս, т. е. Месроп, этот пророк Эздры; л. 329: Յակորիկ, теперь Յակոր Ունշայեցի արար զՆոր Թարգմանութիւն в 641 году, Мхит. Айриванский, стр. 65; [ср.] Յակոր որդին Սալիբայ մեկնեսց զամենայն շին և Նոր կտակարանս, Мх., Айр., стр. 79 (...).

ворящими на языке данного народа. С этой точки зрения армянская историография начинается, строго говоря, — заключал он (стр. IX), — со времени появления письменности", т. е., добавим мы, когда еще не было исторических сочинений, но сами памятники письменности как бы материальным своим бытием не плохо свидетельствовали об историческом состоянии. Тем более приходится ударять на то, что без истории материальной культуры и производственно свидетельствуемых ею внутренних сложных форм общественного строя и для т.н. исторических эпох трудно плодотворно поработать иначе с одними "документами, говорящими на языке данного народа", т. е. с одними литературными источниками. Сам Н. Г. Адонц делает существенную оговорку, указывающую на то, что раньше, чем пользоваться литературными источниками, надо их поставить на место литературной критикой, от чего ему пришлось отказаться в данном труде на историческую тему за ее сложностью: "не всегда вдаваясь в детали литературной критики", писал он (стр. XIII), "мы останавливались на степени достоверности и соотносительной древности фактических материалов". Но на основании какого материала и каким путем? Н. Г. Адонц не скрывал, что исходил из интуиции, описывая способ своей работы над отбором "достоверных и соотносительной древности фактических материалов". "Мы пытались отыскать годные для нашей задачи материалы в памятниках вне тех редакционных условностей и отделки, в которых они дошли до нас. Пренебрегая традиционной схематизацией, мы дорожили лишь исторической ценностью, хотя бы она не совпадала с литературой", разъяснял он (стр. XIII). Но на что опираться в этом отборе годного от негодного, если не располагать твердой установкой жизненной базы всей этой надстроечной продукции, если не обращаться (а в значительной мере вовсе не располагать за ее неразработанностью) к истории материальной культуры, к тому, что говорят по этому предмету не только данные по производству и ремеслам, бытовой материальной обстановки, но и монументальные памятники искусства, в первую очередь, градостроительство и, в частности, зодчество, и что сигнализирует для исторических эпох также язык, его правильно понятый материал и его структура? В этом смысле положение было ведь значительно иное и для так называемой доистории, даже для дохристианского периода вообще, поскольку историк ограничивал источники своего осведомления письменными источниками чисто исторического содержания, и, естественно, "армянская история в строгом смысле слова", по нему, начиналась "со времени утверждения христианства в Армении". "Если под историюю понять научную дисциплину, имеющую возможности раскрыть прошлое данного народа настолько и в таких чертах, чтобы можно было составить понятие о духовном облике его, то таковая история для армян существует только с указанного периода. Дохристианская жизнь армян, по крайней мере при теперешнем состоянии исто-

риографии, покрыта мраком", пессимистически заключал Н. Г. Адонц (стр. VIII).

При теперешнем подходе к истории отдельных стран Кавказа (Албании, Армении, Абхазии, Грузии), равно отдельных этапов развития исторического процесса на Кавказе, и древнейших халдов в Ване, этиуниев с союзными государствами на севере, как представляющих лишь части одного целого, дело изменилось так, что именно без поправок, вносимых и со стороны истории материальной культуры, и со стороны палеонтологии речи, вообще нового учения об языке, разумеется, с социологической, именно марксистской методологиею, мы именно в различных национальных отрезках кавказской истории, даже в наилучше обставленном в отношении письменных свидетельств армянском отрезке находимся если не в безвыходном тупике, то в весьма трудном для правильной ориентировки по действительной истории лабиринте, как свидетельствуют о том и следующие слова Н. Г. Адонца (стр. XII): "Литературные достояния предков подвергались переработке сообразно текущим настроениям и воззрениям: неинтересные с точки зрения данного настроения произведения предавались забвению, либо уничтожались. Немало памятников погибло жертвой партийных страстей на почве конфессиональной или политической несолидарности. Последствием таких условий было то, что с одной стороны рано установились по историческим вопросам сухие шаблоны, которые повторяются доверчивыми авторами, а с другой — оставалось открытое поле для субъективных толкований с неминуемыми в таких случаях ошибками против исторической перспективы либо через архаизацию поздних явлений, либо через перетолковывание старых при свете последующих воззрений и интересов. Разобраться в этих вопросах, распутать все эти искусственные узлы, — успокаивал себя Н. Г. Адонц (стр. XIII), — задача истории литературы".

Беда однако в том, что эти последующие воззрения и интересы, как они отражались или оформлялись в армянской литературе, были еще более оторваны от жизни, чем явления и даже воззрения освещавшихся ими ранних эпох. Н. Г. Адонц правильно характеризовал по этому поводу пораженческое умонастроение орудовавших в литературе писателей замкнутого в себе, отгороженного от жизни сословия писателей, целиком монашеско-христианской организации позднейшей, конкретно называя Багратидский по имени возобладавшей феодально-княжеской организации: "... мысль обращенная к минувшим дням (надо было оговориться — чья мысль: мысль цеховых писателей христианско-монашеского или схоластического умонастроения в противоположность строителям-Багратидам, точнее новым экономическим потребностям)... обыкновенно настраивается романтически: чем менее удастся схватить контуры прошлого, чем туманнее встают из мрака времен родные образы, тем сильнее сказывается романтическое настроение, люди (надо было сказать — монашествующие писатели. — Н. М.) эпохи Багратидов

точно не замечали отрадных сторон своего времени, того блеска, о котором свидетельствуют откапываемые ныне культурные ценности, а мысленно рвались в даль, в те времена, когда владычествовали аршакидские цари, когда подвизался св. Пророк-Светитель".

Эти "откапываемые культурные ценности" (Адонц имел в виду обнаруживавшиеся раскопками в Ани памятники материальной культуры), естественно, давали более и при соответственной проработке будут продолжать давать более правильное представление "о духовном облике" армянского народа, чем вся современная литература.

С этой обстановкой надо считаться и при освещении вопроса о возникновении и развитии письма. И до багратидской эпохи история изобретения письма являлась делом минувших дней, требовавшим освещения применительно [к] новым условиям и отнюдь не строившимся на объективном учете бытия, ибо сознанием руководителей христианской монашеской организации этих последующих поколений определялось бытие эпохи, когда и создавалась армянская письменность.

Из двух пунктов, которых нельзя не коснуться, один — это вопрос о переводах в два приема (старших и младших переводчиков у армян) и об изобретении алфавита в два приема, или как принято говорить — об изобретении и усовершенствовании. Об этом мы знаем по национальным историческим преданиям, хотя бы и искаженным или тенденциозно изложенным или переизложенным касательно армянской письменности, и эти события в два приема в Армении связаны — древнейшее с сирийской школой, последующее с греческой не как мирная смена одного другим, а как торжество нового направления в жестокой борьбе двух старых, из которых если позднейшее греческое, — позднейшее взяло верх и организационно, то более древнее, сирийское побежденное, отнюдь не исчезло бесследно, а пережило в новом течении своим особым миропониманием и своим бытом, причем надо с большей осторожностью относиться к кличкам этих литературных направлений "сирийское" (сирофильское) и "греческое" (эллинофильское), может быть, от них совершенно отказаться, ибо оба краевых, если не говорить еще как о национальных литературных направлениях, — надстроечные явления — формировались, несомненно, социально-экономическими условиями самой Армении. Феодалный строй распада древнего армянского царства, увязанного органически с Ираном и арамейским миром, открыл путь, особенно с разделом Армении между двумя соперничавшими державами — сасанидской Персией и восточной или византийской Римской империей, — отрыву феодалов от краевой общественности в связи с интересами охраны их громадных недвижимостей (латифундий). Часть, экономически примкнув к Византии, содействовала эллинизации страны имперской с мелкитской или халкедонитской установкой христианского бытования; часть же, увязанная с Ираном и сирийцами, стала на стражу древних сирийских христианских исповеданий, несторианского, яковитского или вовсе повернулась

к язычеству персидского двора, религиозному учению магов. Потому-то спор достигал крайнего ожесточения в среде, соответственно прислонявшейся к экономическим устоям феодалов монастырской братии. Достаточно иметь в виду резкое полемическое письмо историка Лазаря Парпского, о чем особо, и если греческое течение перевесило, поспособствовав созиданию церковных легенд с ориентацией на Грецию и ее просвещение, завершившейся в VII—VIII веках переходом в халкедонитство или имперское православие, то в дальнейшем, с выступлением новой феодальной смены, последовавшей за разгромом древних владетельных князей Армении, началось новое строительство с концентрацией на романтических воспоминаниях идеализованного прошлого, к каковой эпохе относится из литературных памятников история армянской знати (Հայոց Վիժաղ), а не великой Армении Моисея Хоренского в дошедшей до нас редакции.

Изобретение армянского письма и так называемое усовершенствование находит поддержку в той смене социально-экономических условий, которые не могли не требовать не только усовершенствования, но и перевода на новые рельсы уже изобретенных и долгой практикой получивших массовую санкцию письмен. Это видно и из переизложенных по-новому литературных преданий.

В отношении армянского письма никаких в этом смысле преданий нет, но есть факт, — это общность тех черт, которые не могут не учитываться как вклад т.н. усовершенствования в зависимости от общений с греческой культурой, именно гласные обработаны по греческой норме, все наличны как буквы в строке, причем если гласный звук и передается одинаково двумя буквами, армянск. ու, груз. ოჴ, как в греческом ου, то буква, соответствующая греч. η — долготу ē, в грузинском, как и в армянском, имеет одинаково значимость двугласного: арм. է и груз. ჳ.

Второй пункт — искусственное различие армянского и грузинского алфавитов, как в отношении начертаний отдельных букв, так в отношении их последовательности. В последнем отношении грузинский алфавит лучше сохранил начальное положение, когда буквы для экзотических звуков в большинстве прибавлены к концу, тогда как в армянском они рассованы в различные места, так:

	груз.		арм.	
27.	ღ	=	ղ	18
28.	յ	=	
29.	թ	=	չ	23
30.	հ	=	հ	25
31.	Յ	=	յ	33
32.	ժ	=	ճ	17
33.	Վ	=	Վ	14
34.	ձ	=	ձ	19
35.	Ե	=	Ե	13

36.	Յ	=
37.	Շ	=	ⲉ 27
38.	Յ <Տ>	=	Ⲅ 16
39.	Ձ <Դ>	=

Одинаково смещены

	груз.		арм.	
18	յ		ⲉ	10
8	թ		Ⲅ	7
15	զ		Ⲋ	21

С этим встает вопрос, имеем ли в наличных армянском и грузинском алфавитах в исправленном виде непосредственную взаимную зависимость или оба они сепаратно проработаны от уже исправленного или вновь изобретенного прежнего недошедшего до нас полного уже с гласными алфавита.

После краткого обзора возникновения письма с пропуском техники, сличения самих букв, казалось бы, нам надо перейти к вопросу об языке, resp, об языках армянском и грузинском. Но каком армянском и каком грузинском? Если же скажем, разумеется о древне-литературном грузинском и древне-литературном армянском, то перед нами встанет вопрос: да разве древне-литературные языки были в момент возникновения христианства и с ним христианской письменности в Армении и Грузии? Более того, разве древне-литературные языки Армении и Грузии в момент возникновения христианской письменности были такими же, как мы находим их в дошедших до нас памятниках? Да и откуда и как сами христиане подходили к языкам этих стран, какой критерий для выбора они приносили с собой? И какие языки были в странах и кто и как и каким языком реагировал на христианскую пропаганду на первом и последующих этапах ее появления и развития, какой социальный слой?

Поскольку обсуждение возникновения письма – источник христианской пропаганды [...] намечен с юга, сирийский, один из арамейских семитических языков, то должна быть отмечена тесная связь или тесное общение между христианами-арамейцами и еврейскою ученостью, что в памятниках сирийской литературы, прежде всего в Ветхом завете, мы имеем сильное влияние еврейской письменности, особенно арамейских ее версий, и потому некоторые решают вопрос так, что христианская сирийская литература обязана своим началом не сирийцам, а христианам из евреев, так называемым иудеохристианам, пользовавшимся арамейским, сирийским литературным языком на том же основании, на каком евреи Моисеева закона, т. е. на том основании,

что арамейские наречия для евреев на Востоке являлись живым обычным языком, вытеснившим родной уже мертвый еврейский.

Но арамейские наречия были различные, и так как евреи рассеяны были по различным местам на Востоке с различными арамейскими наречиями, которые и усваивались ими, то духовная литература, смотря по месту, писалась на том или другом арамейском наречии. Так естественным путем возникала мысль о правоспособности различных арамейских наречий быть литературными языками. В общинах евреев Моисеева закона ими, конечно, не мог быть вытеснен вполне еврейский язык в качестве священного, но и там арамейские наречия получили в качестве литературного языка значительное место, рядом с заветным языком св. Писания, еврейским, который продолжал господствовать лишь в синагогах.

В христианских общинах значение еврейского языка как исключительно священного отпадало, и арамейские наречия являлись полноправными гражданами в качестве литературных языков.

Рядом с этою полноправностью естественно выростала их равноправность. Право быть литературными определялось практической потребностью говорящих на данном арамейском наречии понимать культовый текст (Библию, у христиан в первую очередь — Евангелия).

В пределах расселения арамейских племен мы наблюдаем появление христианской письменности на различных арамейских диалектах. Имеется сиро-палестинская христианская литература, пальмирская христианская литература, от которой пока известны надписи, несомненно христианские, и месопотамская или всем известная сирийская литература.

Таким образом, идея равноправности всех местных языков была естественна в сирийской церкви: она проникала в жизнь церковных общин, образовавшихся в пределах расселения арамейцев, и не было никаких оснований, чтобы от нее отрекались члены сирийской церкви вне этих пределов. Напротив, если даже на арамейских наречиях, лишь диалектически отличавшихся друг от друга, при наличной потребности возникали письменности, то тем более было основание возникать им на языках, совершенно отличных от арамейских.

Те народы, которые приобщались к христианскому через членов сирийской церкви, были свободны от необходимости борьбы за основание новой местной литературы. В этом мире не было надобности для новых или обновлявшихся народов в тех усилиях, которые им пришлось делать на Востоке в борьбе с греческим языком, на Западе — с латинским, и в большинстве, бесплодно.

Наоборот, письменность здесь приносилась извне если не одновременно с проповедью, то одновременно с появлением христианской общины на месте и возникновением в ее среде потребности в христианском просвещении. Самую идею о местной письменности сирийские миссионеры приносили с собою, с тем социальным слоем, который они

обслуживали, но этот социальный слой был торговый, путь их влияния был через торговые средоточия, города. Но могла ли быть потребность в городском торговом населении в переводах на местные языки? Была ли местная национальная языческая буржуазия? Мы знаем мучеников из городов, но это парсы и иноземцы. Могло ли христианское учение вызывать какую-либо реакцию в населении края, поскольку дело шло о городском движении? Конечно, нет. Если и мог раздаваться протест извне, то лишь со стороны опять-таки греческой империи. Но и этот протест мог явиться тогда, когда местная церковь благодаря развитию родной литературы и своему росту могла угрожать целостности имперской церкви и особенно интересам ее организаций, способствуя отделению от нее тех инородных членов, для которых нововозникшая литература явилась родною по языку.

Отзвук греческого отношения именно в такой момент развития армянской литературы только и можно усмотреть в апокрифической переписке Саһака с императором Феодосием (II 408–450 гг.), епископом (патриархом) Константинополя Аттиком (406–425) и полководцем Анатолием (Моисей Хоренский, III, 57). Существование подлинно этой переписки сомнительно, она сочинена в национальную эпоху армянской литературы, быть может, самим Хоренским, но исторически вполне правдоподобно в греках, а еще больше в армянах, получивших греческое образование, то чувство недовольства развитием армянской национальной литературы и притом под сирийским влиянием, которое ясно сказывается в названных письмах. Хоренский сам относит эту переписку ко времени возникновения армянской письменности, но это объясняется тенденцией замолчать продолжительность и полодотворность сирийской эпохи армянской литературы.

Армянская письменность возникла, судя по всему, не только вне Византийской империи, где о создании местной национальной литературы не могло быть и речи, но и вдали от ее пределов, вне возможного влияния империи и греческого национального христианства [...].

Не только перед далеким византийским тронem, но и перед родным армянским двором вопрос об армянской письменности мог возникнуть лишь в момент ее заметного развития.

Я ставлю даже вопрос: есть ли постановка христианской проблемы при дворе перед царем факт или позднее возникшая легенда? По этой легенде или традиции армянский двор колебался между двумя националистическими влияниями — византийско-греческим и ирано-персидским, между двумя национально-государственными религиями, греческим христианством и иранским маздеизмом, и если при дворе могла возникнуть мысль о местной христианской литературе, как опоре местной национальной власти, то лишь *post factum*, т. е. после того, как армянская церковная община с родным литературным языком приобрела известное значение и влияние. Традиции армянской династии не были в корне местными, местно-национальными. [...]